

ТЕБЕНКО Вячеслав Александрович
Петрозаводский государственный университет
ООО «Сталь Сервис»
г. Петрозаводск, Россия
stal12h18n@mail.ru

Vyacheslav A. TEBENKO
Petrozavodsk State University
Stal Service LTD
Petrozavodsk, Russia
stal12h18n@mail.ru

НАЦИОНАЛЬНО-ЯЗЫКОВЫЕ ИЗМЕНЕНИЯ В КАРЕЛЬСКИХ ШКОЛАХ В ПОСЛЕВОЕННОЕ ДЕСЯТИЛИТИЕ

NATIONAL-LINGUISTIC CHANGES IN THE KARELIAN SCHOOL IN THE POSTWAR DECADE

Статья посвящена языковым изменениям в школах различных автономных образований РСФСР, в частности Республики Карелия, в послевоенный период. Цель публикации - проанализировать процессы, происходящие в школьном образовании в начале 1950-60-х годов, и выявить закономерности в реформировании и сокращении национальной школы в Карелии и других автономных областях. Для достижения поставленной цели проанализированы различные источники информации, где подробно рассмотрены проблемы развития национальных школ в разных районах РСФСР. В статье описано постепенное прекращение использования коренными народами своего родного языка и перехода на более престижный - русский язык. Несмотря на то, что данный процесс был связан с проблемами национальной политики и регулировался на всех уровнях советской власти, во многом он был обусловлен глобальными изменениями социального, демографического, этнического плана. Чтобы выявить закономерности, в публикации приводится много факторов, касающихся формирования русскоязычной языковой среды в автономных республиках РСФСР. С этой целью рассмотрены различные автономные образования по численности населения, национальному составу, удаленности от центра, уровню индустриализации. Это позволяет выявить общие характеристики и говорить о том, насколько отличался процесс языковой ассимиляции в Карельской АССР.

The paper discusses language shift in schools of various autonomous entities of the Russian Soviet Federative Socialist Republic, particularly of the Republic of Karelia, in the post-war period. The aim of the paper is to analyze the processes in school at the beginning of 1950-60ies and to reveal the trends in reforming and reduction of national school in Karelia and in other autonomous regions. To achieve the aim various sources have been analyzed: history books, scientific papers in journals, archival documents and others, which deal with the problems of development of national schools in detail. The paper describes how the mother tongue ceased to be used by the indigenous people, who shifted to the language with higher status, to Russian. The comparative historic method leads to the conclusion that language assimilation was inevitable. Despite the fact that the given process was connected with the problems in the national policy and was regulated at all the levels of the Soviet system, in many instances it was stipulated by global social, demographic and ethnical changes. To reveal the trends, the paper refers to many factors of the development of Russian language environment in the autonomous republics of the Russian Soviet Federative Socialist Republic. For this purpose, autonomous entities are analysed regarding population size, ethnic composition, distance to centre, industrialization level.

Ключевые слова: образование, школа, национальная политика, Карелия, финский язык, реформа.

Keywords: education, school, national policy of Karelia, Finnish language, reform.

Вопросы школьного образования и так называемых «нерусских» школ в Республике Карелия в первое послевоенное десятилетие тесно связаны с проблемами национальной политики. В Карело-Финской ССР, а затем и в Карельской АССР существовали национальные школы, где детей карелов и финнов обучали на финском литературном языке. Затем финский язык стал лишь одним из обязательных предметов, а уже к концу 1950-х годов и вовсе исчез из карельских школ. Разумеется, этот процесс длился несколько лет. О его существенных деталях мы и расскажем в ходе нашего рассуждения.

В «Истории Карелии с древнейших времен и до наших дней» (2001) исчезновение финского языка из карельских школ связывается с тем, что, несмотря на все меры, принимаемые властями, количество национальных школ из года в год сокращалось и уровень знаний учащихся нерусских школ оставался низким. Такое положение вещей, в свою очередь, побудило правительство в августе 1954 г. издать постановление «О мерах по улучшению обучения детей в нерусских школах республики», согласно которому преподавание всех предметов в 1-10-м классе было переведено с финского языка на русский, однако с 3-го по 10-й класс финский оставался как обязательный предмет. Эти меры, как пишут историки, предпринимались в контексте подготовки ликвидации финского языка

как государственного и ликвидации самого статуса союзной республики [1, с. 739-740]. С 1958 по 1959 учебный год обязательное изучение детьми финнов и карелов финского языка в школе было отменено, а вопросы национально-языковой политики, как говорится в вышеуказанном источнике, в Карелии в конце 1950-х - начале 1960-х годов были пущены на самотек.

Более подробно проблема развития национальной школы в данный период рассмотрена в статье Л.И. Вавулинской «Общеобразовательная школа и вопросы языковой политики в Карелии во второй половине 1940-х - в 1950-е годы» (2002). По мнению исследователя, национальные школы стали заложниками политики - и в связи с подготовкой, а потом и упразднением союзной Карело-Финской ССР отпала необходимость в изучении финского языка [2]. Разумеется, подобные интерпретации выглядят вполне логично, учитывая имеющиеся факты и исторические документы. Однако тема национальных школ в Карелии остается малоизученной, поэтому предлагаем читателю некоторые уточнения к вышеизложенным событиям.

Необходимо назвать еще одну работу, посвященную языковой политике, - Клементьев Е. И. и Кожанов А. А. «Финский язык в Карелии в новейший период» (2009). Изменения в языковой политике в отношении финского языка в середине 1950-х годов авторы объясняют двумя причинами: готовившимся преобразованием Карело-Финской АССР в Карельскую АСР и начавшимся в стране переходом ко всеобщему обязательному среднему образованию на основе русского языка. Данный курс закреплялся Законом «Об укреплении связи школы с жизнью и о дальнейшем развитии системы народного образования в СССР» (1958 г.) [3, с. 338-350]. Этот закон и курс на всеобщее образование на основе русского языка и дальнейшую стандартизацию вместе с окончанием политики «финнизации» — главные факторы, повлекшие исчезновение финского языка из образования, а в дальнейшем и общественно-политической жизни. Понижение в 1956 г. статуса республики с союзного на автономный, вместе с изменениями в национально-языковой политике, как бы официально подтвердило происходящие в Карелии процессы языковой ассимиляции. Дело здесь не только в особом внимании руководства СССР к приграничной КФСР, а и в общих подходах национально-языковой политики.

Поскольку для аргументации подобной точки зрения мы не располагаем какими-то новыми фактами, документами или иными доказательствами ни из центральных, ни из республиканских архивов, в основе своего рассуждения будем использовать сравнительно-исторический метод.

Сравним процессы в национальных школах различных автономных образований РСФСР в послевоенный период (начало 1950-60-х годов), анализируя разные факты и детали из истории национальных школ. Чтобы выявить закономерности, рассмотрим автономные образования по численности населения, национальному составу, удаленности от центра, уровню индустриализации.

Поскольку тема публикации касается прежде всего Карельской АССР, то вначале мы расскажем о реформировании и сокращении национальной школы в Карелии, а затем и в других автономных областях. Речь пойдет о национальных школах в Коми АССР, Чувашской АССР, Мордовской АССР, Татарской АССР, Башкирской АССР, Марийской АССР. Какому-то региону будет уделено больше внимания, какому-то - меньше.

В Карело-Финской ССР, как уже было сказано, существовали нерусские школы, где учились дети карел и финнов. В первые послевоенные годы, разумеется, все школы испытывали значительные трудности по части педагогических кадров, их квалификации, нехватки учебников. До середины 1950-х годов нерусским школам, их количеству и качеству обучения власти уделяли определенное внимание. В частности, Наркомпрос выдвинул большой список мероприятий на 1945/46 учебный год, среди которых можно выделить следующие: преподавание во всех классах национальных школ должно вестись на финском языке, но первые два-три года, пока не хватает национальных кадров, отдельные дисциплины в старших классах можно преподавать на русском языке, однако при этом финский язык должен обязательно изучаться как самостоятельная дисциплина (ЦК ВКП (б) КФСР. Отдел школ. Докладные записки и письма наркомата просвещения //

Национальный архив Республики Карелия (далее - НА РК). Ф. П-8, Оп. 1. Д. 1614. Л. 5).

Это же постановление предусматривало развитие послешкольного, прежде всего педагогического, образования на национальном языке.

Ситуация с русским языком в национальной школе складывалась не в пользу последней. Постоянные проблемы с кадрами, несоответствие родного карельского и финского, ощущение бесперспективности финского языка - это первое. Второе - в послевоенной Карелии дети, вернувшиеся из эвакуации, после обучения на русском языке не хотели учиться на финском (Там же).

В условиях массового притока населения в результате трудовых миграций язык становился менее востребованным. Можно привести ряд примеров. Из докладной записки по работе школ: в Кестеньгском районе КФССР в некоторых национальных школах, где сами учителя владели хорошо финским языком, дети тоже могли свободно говорить на финском и русском языках, бегло читать и пересказывать прочитанное. В других школах, где учителя не очень хорошо знали финский и «на уроках говорили смешанным финским карельским языком», ученики были не приучены говорить на финском, а говорили «кестеньгским диалектом карельского языка» (Отдел школ. Докладные записки о работе национальных школ республики // Там же. Д. 3159. Л. 5).

Тем не менее национальные школы уступали русским. Местные власти поддерживали национальные школы, но это были скорее полумеры - наблюдалась определенная двойственность. Так, например, в марте 1949 г. бюро ЦК КП (б) КФССР приняло постановление «О мерах по улучшению работы нерусских школ республики», что позволило выделить дополнительные средства на учебники, открыть несколько национальных школ в районах республики. Уже в 1950/51 учебном году изучение русского языка как предмета было введено с 1-го класса - ранее его изучали со 2-го класса. А в 1951/52 учебном году учебные планы в целом увеличивали количество часов на изучение русского языка [4, с. 166]. Образовательный процесс на русском языке поддерживали родители школьников - карел и финнов. В архивных документах нередко упоминается о том, что перед началом учебного года родители приходили в школы и требовали зачислить своих детей в русские классы. Что интересно, все дети руководящих работников (карел) в Кестеньге, начиная от детей руководителей райкома партии и исполкома райсовета, учились в русских классах, впрочем, подобная ситуация была и в других районах (Переписка по вопросам изучения финского языка в школах // НА РК. Ф. 630. Оп. 3. Д. 109. Л. 2-3).

В конечном счете все это привело к уже названному постановлению 1954 г., согласно которому финский язык в национальных школах становился предметом изучения, а не обучения. В дальнейшем, уже после ликвидации Карело-Финской ССР, вопрос о финском языке остался на повестке дня и решался в рамках автономной республики. В документах Национального архива Карелии есть немало сведений по этой проблеме, например выступления на родительском собрании в Паданской школе. Консоев (рабочий): «Я учился 6 лет в школе по-фински и остался неграмотным, по-русски еле подписываю свою фамилию. В практической работе финский язык не требуется, и я его совершенно забыл. Таким образом, не знаю ни финского, ни русского. И детей учиться в школу по-фински не пушу!» Более сдержанного мнения придерживался Мелинян: «Учить детей русскому, финскому и английскому языкам будет очень трудно, финский язык в республике нигде не применяется. Считаю учебу на финском языке нецелесообразной». Миккоев: «Воспитание детей в детских садах идет на русском, а в школе вводится финский язык. Здесь никакой увязки нет» (Там же). Разумеется, подобные родительские собрания проходили и в других школах.

Вопрос о языке также обсуждался в 1957 г. на апрельском пленуме обкома КПСС. Было отмечено, что ряд райкомов, родительских комитетов, учителей и подавляющее большинство родителей учащихся коренной национальности правильно ставят вопрос о прекращении преподавания в школах финского языка как обязательного для детей карел, вепсов и финнов. Русский язык широко вошел во все сферы жизни республики, а финский язык в Карельской АССР не имеет широкого применения, признавали на пленуме (Протокол и стенограмма 5-го Пленума обкома КПСС 17.04.1957 -18.04.1957 // НА РК.

Ф. 3. Оп. 8. Д. 1. Л. 7).

В связи с тем, что карельский и финский языки имеют существенные различия в лексике, у детей карел, финнов и вепсов изучение языка вызывает перегрузку и от родителей приходит много заявлений, пленум постановил отменить обязательное изучение финского языка и поручил Совету Министров республики принять по этому вопросу решение, имея в виду оставить изучение финского языка только по желанию (Там же, л. 10). Завершилось это местными постановлениями, подтверждающими положения Закона «Об укреплении связи школы с жизнью и о дальнейшем развитии системы народного образования в СССР», а именно с 1958/59 учебного года было отменено обязательное изучение финского языка в нерусских школах (Справки по вопросу опыта работы 1-5 классов нерусских школ КАССР на русском языке и по учебному плану, программам и учебникам русской школы // НА РК. Ф. 630. Оп. 3. Д. 462. Л. 4).

Для нашего дальнейшего рассуждения важно отметить, что вопросы, связанные с языковым строительством, имели место еще до планов ликвидации КФСР. Поворот в сторону русского языка произошел в самом начале 1950-х годов. Это 1951/52 учебный год, но особенно важно выделить 1954 г., когда обучение было переведено с финского языка на русский. И все это логично укладывается в контекст ликвидации союзного статуса республики. Однако посмотрим, что происходило в других не союзных, но автономных республиках РСФСР, с разной удаленностью от центра, влиянием национального фактора и уровнем индустриализации.

В Коми АССР происходили аналогичные процессы, правда, с некоторым, если можно так сказать, опозданием. Начало 1950-х годов было ознаменовано вниманием к проблемам национальных школ и их поддержкой со стороны, по крайней мере, местных властей. Но с середины 1950-х ситуация начинает меняться в сторону «русификации». Это касалось и коми языка народов Севера. Так, например, исследовательница Е.Г. Чумак указывает на приказ № 78 Министерства просвещения республики «О порядке обучения детей в Ханты-Мансийском автономном округе», изданный в 1957 г. Согласно данному приказу обучение в подготовительном классе со второго полугодия велось на русском языке, а начиная с первого класса - полностью переводилось на русский по программам и специальным учебникам для школ народов Севера [5, с. 112.].

Верховный Совет Коми АССР 25 июня 1959 г. принял постановление, где фактически продублировал положения союзного закона «Об укреплении связи школы с жизнью и о дальнейшем развитии народного образования в СССР». В п. 17 документа было сказано: обучение в школах следует проводить на родном языке учащихся и родителям предоставлять право решать, в школу с каким языком обучения отдавать своих детей. В школах, где обучение велось на коми языке, изучение русского языка проводилось по желанию, так же как и в русских школах учащиеся могли по желанию изучать коми язык. Как пишет исследователь П.В. Габов, в результате этого число обучающихся на коми языке стало сокращаться, потому что, по мнению одного советского исследователя, было «повсеместно велико стремление детей и их родителей, чтобы школьники, окончившие школу, в совершенстве владели русским» [6, с. 58].

Остается только добавить: Коми Республика была более индустриальной, нежели, например, Чувашия, и благодаря природным ресурсам и малонаселенности темпы урбанизации и трудовой миграции были высокие. В конечном счете складывалась ситуация, аналогичная ситуации в карельских городах и поселках, когда обучение на русском языке в перспективе повышало шансы молодого поколения получить образование, работу, быть готовым сменить место жительства, не замыкаться на собственном районе, деревне, что было еще возможным в условиях сельской местности и прежнего более традиционного образа жизни.

Языковые процессы в Автономной Республике Чувашия происходили подобным же образом. Так, например, в статье Л.А. Ефимова, посвященной школьной реформе в Чувашии, говорится о том, что к тяжелым последствиям для Чувашской школы привела школьная реформа 1958 г. Ефимов, в частности, говорит о нескольких постановлениях уже местных властей. Это постановление ОК КПСС и Совета Министров ЧАССР «О перехо-

де к обучению учащихся 5-7 классов на русском языке и мерах по улучшению изучения русского языка и литературы в чувашских школах». В соответствии с этим постановлением изучение родного языка стало добровольным, «по желанию родителей». На практике в городах и ряде районов перестали преподавать родной язык. Чувашские школы были преобразованы в русские, с этого времени преподавание во всех чувашских школах начиная с 5-го класса, кроме, разумеется, чувашского языка, велось на русском [7, с. 127]. Одним из доводов, аргументировавших такое постановление, как и раз было указание на «желание родителей», чтобы их дети учились на русском языке. Ефимов в своей статье отмечает: в ходе индустриализации в Чувашии стало бытовать мнение, что дальше Канаша чувашский язык вряд ли понадобится¹.

Хотя, как пишет автор, никакие референдумы и исследования на этот счет не были проведены. В общем, местные власти, по собственной воле или вопреки ей, продолжали вытеснять национальный язык из школ. Очень красноречиво об этом говорит текст постановления бюро Чувашского ОК КПСС «О ходе выполнения постановления бюро Чувашского ОК КПСС и Совета Министров ЧАССР от 26 июля 1960 г.» от 16 июня 1963 г. Министерству просвещения Чувашии и органам народного образования на местах было указано на то, что они «не осознали до конца, что переход к обучению на русском языке в чувашских школах является одной из важнейших проблем народного образования в республике и имеет огромное народно-хозяйственное и политическое значение» [8, с. 129]. В этом ключе весьма кстати выглядело постановление 1 сессии Верховного Совета Чувашской АССР 7-го созыва (март 1963 г.), где был одобрен переход на русский язык обучения и указано на недопустимость умаления роли родного языка. Вновь весьма похожая ситуация. Лозунги и девизы за национальную школу, какие-то меры поддержки, но в целом сама система образования, разумеется, была ориентирована на русский язык.

Мало чем отличалась ситуация в Марийской АССР. Как пишет В.Т. Михайлов, под надуманным предлогом, что «по линии изучения языков в школах союзных и автономных республик существует большая перегрузка детей», родителям предоставлялось право решать, в какую школу, с каким языком обучения отдавать своих детей. В условиях, когда основным критерием работы национальной школы стала успеваемость по русскому языку, родной язык отошел на второй план [9, с. 126].

В Марийской АССР после принятия в июне 1959 г. закона «Об укреплении связи школы с жизнью» было принято местное постановление Верховного Совета Марийской АССР «Об укреплении связи школы с жизнью и дальнейшем развитии народного образования в Марийской АССР». Согласно ему марийских детей с 5-го класса постепенно переводили на русский язык обучения. С этого времени прекращается издание учебников на марийском языке, в лучшем случае родной язык и литература оставались как учебные предметы [10, с. 127].

Схожий сценарий был в мордовских национальных школах. В начале 1950-х годов здесь происходил постепенный переход на русский язык. В 1950/51 учебном году мордовские школы работали по новому учебному плану, разработанному на основе специального решения ВКП (б). В соответствии с ним изучение русского языка начиналось со 2-го полугодия 1-го класса. На изучение русского языка и литературы отводилось 63,5 часа вместо прежних 47.

Существовали совершенно аналогичные проблемы с учебно-методической литературой на родном языке, низкой квалификацией педагогических кадров и т.д. Как пишет исследователь Ф.Ф. Полюнов (заслуженный учитель Мордовии), национальный язык был поставлен в такие условия, что обучение ему являлось делом трудным и непрестижным, преподавать родной язык поручалось историкам, математикам, в лучшем случае учителя родного языка - предметники имели среднее образование [11, с. 64-65]. Эти проблемы порождали такую ситуацию, что до выпускного класса доходили лишь отдельные выпускники мордовской национальности, поэтому часть родителей стремились обучать

своих детей даже на начальном этапе в русских школах [12, с. 91].

Интересно складывалась ситуация в Башкирской АССР. В этом регионе образование в школах велось на семи языках (башкирский, удмуртский, мордовский, татарский, марийский, чувашский). Национальная школа в Башкирской АССР, как и других автономиях, сталкивалась с известными проблемами: нехватка педагогических кадров, низкая квалификация учителей в национальных школах, плохое знание национального языка, отсутствие высших учебных заведений на башкирском языке, нехватка учебников и прочее. Как пишет Ф.Х. Гарипова, лишь отдельные национально-языковые факультеты, отделения и кафедры работали на башкирском языке в БГУ, Стерлитамакском ГПИ, в Месягутовском, Салаватском, Белорецком педучилищах [13, с. 115-118].

Конечно, предпринимались разные меры, такие как прием абитуриентов из числа националов вне конкурса, организация секторов и филиалов для национальных школ, дополнительная проверка знаний учителей нерусских школ, предписания принимать вступительные экзамены у студентов-башкир на родном языке, что часто не выполнялось. Однако все это имело ограниченный результат в силу того, что преподавание в вузах и средних учебных заведениях велось на русском. В условиях индустриализации, миграции населения, изменения общественных отношений сама жизнь требовала знания русского языка. Поэтому, как деликатно указывает Гарипова, все благие намерения руководства республики и Министерства образования не всегда оценивались родителями - некоторые из них, особенно в городах, стремились отдать ребенка в русскую школу [14, с. 121].

Отметим еще одну очень важную деталь: для разрешения проблемы различных языков в системе образования Министерство просвещения Башкирии в 1954 г. дало установку всем средним школам республики вести преподавание по отдельным предметам в 8-10 классах только на русском языке. Во-первых, это все происходило еще до школьной реформы (1958 г.), а во-вторых, в 1954 г. в Карело-Финской ССР было принято подобное постановление, только касалось оно школьников с 1-го по 10-й класс. То есть мы наблюдаем схожие явления в «квасисоюзной» КФССР и автономной Башкирии, причем последняя никуда не ликвидировалась.

Почему же так происходило? Нужно учитывать, что в Башкирии «национальный» фактор был куда более значительным, как и доля «титального» этноса в населении, не в пример «русскоязычной» Карелии. Но к этому вопросу мы еще вернемся.

Завершая разговор о национальных автономиях, нельзя не сказать о самом крупном автономном образовании в РСФСР - Татарской АССР. Проблемы в национальной школе и дальнейшее ее реформирование мало чем отличались от других республик, и это при том, что Татарстан был, наверное, самым «национальным» регионом из всех вышеперечисленных, однако, не будем забывать, одним из самых населенных и урбанизированных, что тоже необходимо иметь в виду.

В конце 1940-х годов в Татарстане на родном языке обучалось 95% детей татар, а в 1957/58 учебном году - только 70%, в Казани этот показатель был всего 16,8% [15, с. 101]. Национальные школы, как пишут исследователи, с середины 50-х годов оказались в сложном положении: низкая квалификация учителей, нехватка учебников (например, в 1958/59 учебном году национальные школы с большим опозданием получили учебники для 8-10 классов по татарской литературе), а также плохая успеваемость учащихся, особенно по русскому языку. Однако не это стало главной причиной сокращения татарских национальных школ. Выпускники татарских школ с трудом поступали в вузы и техникумы, где обучение велось на русском языке. Преподавание на татарском велось только в нескольких высших и средних педагогических учебных заведениях. Как пишет Д.З. Шамсутдинов, происходило формирование в сознании татар, особенно татар-горожан, пренебрежения к родному языку, многие татары переводили детей из национальных в русские школы [16, с. 101].

В Татарстане как национальной республике пытались эту ситуацию исправить, в том числе по инициативе первого секретаря Татарского обкома С.Д. Игнатьева: был созван пленум по вопросу «О состоянии и мерах улучшения работы татарских школ» (май

1958 г.) - предусматривались конкретные меры по поддержанию национального образования. Однако все решения пленума перечеркнул Закон «О связи школы с жизнью», который предоставил родителям право самим выбирать язык обучения, что и предопределило почти полное сокращение национальных школ.

Таким образом, во второй половине 1950-1960-х годов во многих автономных республиках, при том что они оставались в прежнем политическом статусе, происходили весьма схожие процессы по «ликвидации» национальной школы и образования на родном языке. Естественно, были свои особенности и свои хронологические рамки, но это уже частные детали.

Мероприятия, проведенные как в КФССР, так и в Автономной Карельской ССР, мало чем отличаются от тех, которые были проведены местными и центральными властями в Башкирской, Татарской или Марийской АССР. На этот вывод читатель может возразить тем, что, например, в Карелии обучение было переведено с финского на русский язык еще в 1954 г., чего не происходило до школьной реформы 1958 г. в других автономиях. Это верно, за исключением Башкирской АССР, где тоже в 1954 г. было отменено обязательное обучение детей на родном языке.

Второй момент, на который хотелось бы обратить внимание: темпы индустриализации, трудовые миграции, эвакуация, а затем массовые переселения значительно изменили этнический и языковой облик Карелии. Как пишут исследователи, массовое освоение финнами, карелами и вепсами русского языка завершилось в основном в 1941-1945 гг. [17, с. 9-16]. Хотя и остальные автономии республики Поволжья, Коми тоже были охвачены процессами индустриализации, равно как и КФССР, если не в большей степени. Однако нужно учесть, что к концу войны в Карелии проживало только 196,4 тыс. человек [18, с. 105]. Но уже в послевоенные годы в КФССР шло активное переселение и реэвакуация населения из различных областей СССР¹. По официальным данным переселялось 25-35 тыс. человек ежегодно [19, с. 7].

Столь быстрое увеличение населения за счет механического его прироста форсировало процесс языкового сближения и ассимиляции в пользу русского языка. В Республике Карелия этот национально-языковой процесс по стечению обстоятельств совпал с окончанием попыток «финнизации» республики и упразднением союзной Карело-Финской ССР, о чем было сказано в самом начале. Южнокарельские диалекты, которые использовали большинство карел - людиков и ливвиков (южные карелы) - были далеки от финского литературного языка. А именно финский литературный язык был языком обучения в школах. Только в северных малонаселенных районах Карелии местное население использовало северокарельские диалекты, которые были близки к финскому языку. Поэтому каких-то проблем «изъятие» финского языка из образовательной сферы среди большинства карел не вызывало.

Жители районов Карелии быстро овладевали русским языком, в том числе и в сельской местности, где благодаря росту лесной промышленности был огромный приток русскоговорящего населения. Возникла уже другая этническая языковая среда, где население в массе своей было готово к языковой ассимиляции и языковому сближению, в противном случае национальные школы, скорее всего, продолжали бы существовать, по крайней мере в некоторых районах.

Приведем пример: Оренбургская область РСФСР не была ни автономной областью, ни автономной республикой, а уж тем более союзной. Между тем смешанные и национальные школы работали в области вплоть до начала 1970-х годов. Причем в начале 1950-х были школы татарские (136), чувашские (17), башкирские (82), мордовские (87), казахские (83) и даже две эстонские [20, с. 56]. Это несмотря на то, что все вышеперечисленные этносы имели свои национальные образования в СССР. Такое количество разных национальных школ и столь длительный срок их существования объясняется компактным проживанием больших этнических групп, тем более что в ряде районов сельской

1

местности, где представители разных этносов компактно проживали, «русский язык практически не использовался в качестве разговорного языка общения, и ученики национальных школ зачастую не имели необходимой практики общения на русском языке» [21, с. 57].

В заключение нашей статьи следует отметить, что ошибочно рассматривать процессы языковой ассимиляции или так называемой русификации, в том числе и в Карелии, как нечто односторонне негативное. Нужно принимать во внимание социальные и демографические процессы, происходившие в Советском Союзе. Индустриализация и урбанизация, то что в российской науке назовут модернизацией общества, обеспечивали запрос на единый и общедоступный язык. Как писал Ленин применительно к США, «...потребности экономического оборота сами определяют тот язык данной страны, зная который большинству выгодно в интересах торговых сношений» [22]. Общая культура в таком многоязыковом и полиэтничном государстве, как СССР, равно как и в других многонациональных сообществах, на каком-то этапе без оглядки на политические режимы, выдвигает запрос на создание единого языкового пространства во всех сферах жизни. Советский Союз, разумеется, был многонациональным сообществом. Как говорил С.В.Чешко, языковая русификация представляла собой стандартизацию, обусловленную объективными и спонтанными процессами организации и самоорганизации, полиэтничных сообществ [23, с. 197].

Жители различных регионов и представители многочисленных этносов Советского Союза, объединенных в единое экономическое, культурное, образовательное, политическое пространство, кроме всего прочего скрепленные дружескими и кровнородственными связями, были базисом для процессов языкового сближения.

Процессы распространения и усиления роли русского языка в национальных образованиях СССР (от автономных округов до союзных республик) вовсе не игнорировались советской наукой. Попробуем это конкретизировать. «Что предопределяет лингвистические потребности населения, в том числе потребности хорошо знать русский язык?» [24, с. 306] - таким вопросом задавались советские этнографы, перечисляя факторы, способствующие ассимиляции. Во-первых, это наличие межнациональных контактов на работе, в домашней обстановке, дружеские и брачные связи. Потребность в русском языке гораздо выше в инонациональном окружении, то же касается и национально-смешанных браков. Во-вторых, в крупных селах и поселках, где более интенсивны межэтнические контакты, шире поставлена сеть бытового и культурного обслуживания, больше потребности в знании русского языка. Потребность в знании языка приобретает особую значимость в ходе территориальных передвижений населения, а также социальной мобильности. Среди тех, кто улучшил свой статус, пройдя путь от неквалифицированного и мало квалифицированного физического труда до высококвалифицированного умственного труда, потребность во втором (русском) языке, как правило, была выражена сильнее по сравнению с теми, у кого между стартом и финишем их трудовой карьеры не произошло значительных изменений [25, с. 307-308].

В начале 1980-х годов М.Н. Губогло указывал на то, что производственная сфера является благоприятной средой для успешного развития и протекания процессов национально-русского двуязычия. А интернациональная сущность языковой жизни в СССР благоприятствует социальному прогрессу, расширяет возможности взаимных контактов и способствует сближению всех наций и народностей Советского Союза [26, с. 184].

Может, несколько тенденциозно, однако совершенно верно сказано об интернациональной роли русского языка. Существующие лингвистические потребности, с одной стороны, испытывают давление среды, а с другой - сами влияют на языковое поведение людей, а через него и на социальное. Остается только добавить, что социальные потребности отдельного индивидуума порой стимулируют языковые запросы. Совершенно не случайно в конце 1980-х - начале 1990-х годов в Карелии наблюдался значительный интерес к финскому языку, уже без всяких на то указаний сверху, а лишь благодаря тем перспективам и возможностям, которые открывало знание финского языка (экономическим, культурно-бытовым).

Естественно, языковую ассимиляцию и русификацию, тем более в «административно-командном» исполнении, невозможно рассматривать как исключительно положительное явление, называя его «национально-русским двуязычием» или «языковым сближением». Однако это не было желанием отдельных руководителей как можно скорее ассимилировать население СССР в пользу русской национальности. Как справедливо заметил В.И. Козлов, русский этнос был взят за основу только в силу своей многочисленности и распространенности русского языка [27, с. 33-34]. Языковая ассимиляция - процесс, который, хотя и «регулирувался» на всех уровнях советской власти, в значительной мере был обусловлен глобальными изменениями социального, демографического, этнического плана. Карелия здесь не исключение. Быстро сформированная в послевоенное время русскоязычная языковая среда, индустриализация и, что немаловажно, социально-культурные запросы большинства населения делали ассимиляцию в пользу русского языка неизбежной, а прекращение пусть во многом искусственной «финнизации» гласно-негласно закрепило существующее положение.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. История Карелии с древнейших времен и до наших дней / под общ. ред. Н.А. Кораблева. - Петрозаводск: Периодика, 2001. - 948 с.
2. Вавулинская Л.И. Общеобразовательная школа и вопросы языковой политики в Карелии во второй половине 1940-х - в 1950-е годы // Вопросы истории Европейского Севера: Проблемы развития культуры: вторая половина XIX-XX вв.: Сб. науч. ст. - Петрозаводск, 2002. - С. 161-173.
3. Клементьев Е.И., Кожанов А.А. Финский язык в Карелии в новейший период // Финский фактор в истории и культуре Карелии XX века. Гуманитарные исследования. Вып. 3 / Науч. ред. О.П. Илюха. - Петрозаводск: Карельский научный центр РАН, 2009. - 465 с.
4. Вавулинская Л.И. Указ. соч. - С. 166.
5. Чумак Е.Г. Основные мероприятия государственной образовательной политики в отношении коренного населения Севера в 20-50-е гг. XX в. // Вестник археологии, антропологии и этнографии. - 2008. - № 8. - С. 109-114.
6. Габов П.В. Государственная политика и реалии развития коми национальной школы во второй половине XX века: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. - Сыктывкар, 2009. - 267 с.
7. Ефимов Л.А. Школьная реформа 1958 г. и проблемы языковой политики в процессе ее реализации в Чувашии // Интеграция образования. - 2004. - № 1. - С. 125-130.
8. Там же. - С. 129.
9. Михайлов В.Т. Марийская национальная учебная книга: история эволюции // Проблемы современного образования. - 2013. - № 5. - С. 117-132..
10. Там же. - С. 127.
11. Польшов Ф.Ф. Школьное образование в Мордовии 1941-1953 гг. - 139 с. [Электронный ресурс] - URL: <http://polinovff.edurm.ru/index.php/metodichka/kollegam/nauchno-isledovatelstskietrudu/59-shkolnoe-obrazovanie-v-mordovii-v-1941-1953-gg>
12. Шукшина Т.И. Развитие системы общего образования Мордовии в контексте российских образовательных реформ // Интеграция образования. - 2004. - № 3 (36). - С. 88-97.
13. Гарипова Ф.Х. Опыт языкового строительства в Республике Башкортостан: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19. - Уфа, 2005. - 215 с.
14. Там же. - С. 121.
15. Шамсутдинов Д.З., Шайдулин Р.В. Особенности развития татарской национальной школы в ТАССР в 50-60-е годы XX века // Ученые записки Казанского университета. Сер. Гуманитарные науки. - Вып. 3. Том 154. - 2012. - С. 98-104.
16. Там же. - С. 101.
17. Клементьев Е.И. Прибалто-финские народы Карелии в зеркале переписи 1959 г. // Языковые процессы в Карелии на примере карелов, вепсов и финнов: сб. ст. / Е.И. Клементьев; Карел. науч. центр Рос. акад. наук, Ин-т яз., лит. и истории. - Петрозаводск: Карельский научный центр РАН, 2013. - С. 9-16.
18. Покровская И.П. Население Карелии. - Петрозаводск: Карелия, 1978. - 192 с.

19. Кожанов А.А. Изменения в этническом составе сельского населения Карельской АССР в послевоенный период (1949-1958 гг.) // Этнокультурные процессы в Карелии. - Петрозаводск, 1986. - С. 5-20.
20. Моргунов К.А. Развитие системы школьного образования в Оренбургской области в 1945-1991 годы // Этнопанорама. - 2010. - № 1-2. - С. 56-96.
21. Там же. - С. 57.
22. Ленин В.И. Критические заметки по национальному вопросу. О праве наций на самоопределение. О национальной гордости великороссов. К вопросу о национальностях или об «автономизации». - М.: Политиздат, 1990. - 110 с.
23. Чешко С.В. Распад СССР: этнополитический анализ. - 2-е изд. - М.: ИЭА РАН, 2000. - 395 с.
24. Социально-культурный облик советских наций (по материалам этносоциологического исследования) / отв. ред. Ю.В. Арутюнян, Ю.В. Бромлей. - М.: Наука, 1986. - 456 с.
25. Там же. - С. 307-308.
26. Губогло М.Н. Современные этноязыковые процессы в СССР: основные факторы и тенденции развития национально-русского двуязычия. - М.: Наука, 1984. - 288 с.
27. Козлов В.И. О сущности русского вопроса и его основных аспектах // Вестник Московского государственного университета. Сер. 8, История. - 1993. - № 5. - С. 33-44.

REFERENCES

1. Istorija Karelii s drevnejshih vremen i do nashih dnei. [History of Karelia from ancient times until nowadays]. ed. by N.A. Korabl'jov. Petrozavodsk: Periodika, 2001. 948 pp. (in Russ.).
2. Vavulinskaja L. I. Obshcheobrazovatel'naja shkola i voprosy jazykovoј politiki v Karelii vo vtoroj polovine 1940-h - v 1950-e gody. [Secondary school and matters of language policy in Karelia in the second half of 1940-ies - in 1950-ies]. Voprosy istorii Evropejskogo Severa: Problemy razvitiја kul'tury: vtoraja polovina XIX-XX vv.: [Matters of the history of the European North: Cultural development problems: the second half of the 19-20th cc.]. Collection of scientific papers. Petrozavodsk, 2002. P. 161-173. (in Russ.).
3. Klement'ev E. I., Kozhanov A. A. Finskij jazyk v Karelii v novejšij period [Finnish in Karelia in contemporary times]. Finskij faktor v istorii i kul'ture Karelii 20 veka. Gumanitarnye issledovanija. [Finnish factor in the history and culture of Karelia in the 20th century. Humanities researches.]. V. 3.ed. by O.P. Iljuha. Petrozavodsk: Carelian scientific centre of the Russian Academy of Sciences, 2009. 465 pp. (in Russ.).
4. Vavulinskaja L. I. The paper mentioned above. P. 166. (in Russ.).
5. Chumak E. G. Osnovnye meroprijatija gosudarstvennoj obrazovatel'noj politiki v otnoshenii koren-nogo naselenija Severa v 20-50-e gg. 20 v. [Core measures in the state education policy concerning the indigenous people of the North in the 20-50ies of the 20th century]. Vestnik arheologii, antropologii i etnografii. [Bulletin of archeology, anthropology and ethnography]. 2008. no. 8. P. 109-114. (in Russ.).
6. Gabov P. V. Gosudarstvennaja politika i realii razvitiја komi nacional'noj shkoly vo vtoroj polovine 20 veka. [The state policy and realias of the development of the Komi national school in the second half of the 20th century]. Thesis for a Doctor's of History degree: 07.00.02. Syktyvkar, 2009. 267 pp. (in Russ.).
7. Efimov L. A. Shkol'naja reforma 1958 g. i problemy jazykovoј politiki v processe ee realizacii v Chuvashii. [The school reform of 1958 and problems of language policy in the midst of its implementation in Chuvashia]. Integracija obrazovanija [Education integration]. 2004. no. 1. P. 125-130. (in Russ.).
8. Ibid., P. 129.
9. Mihajlov V. T. Marijskaja nacional'naja uchebnaja kniga: istorija jevoljucii [Mari national textbook: evolutionary history]. Problemy sovremennogo obrazovanija. [Problems of Modern Education]. 2013. no. 5. P. 117-132. (in Russ.).
10. Ibid. P. 127.
11. Polynov F. F. Shkol'noe obrazovanie v Mordovii v 1941-1953 gg. [School education in Mordovia in 1941-1953]. 139 pp. Available at: <http://polinovff.edurm.ru/index.php/metodichka/kollegam/nauchno-issledovatelskie-trudy/59-shkolnoe-obrazovanie-v-mordovii-v-1941-1953-gg>. (in Russ.).
12. Shukshina T. I. Razvitie sistemy obshhego obrazovanija Mordovii v kontekste rossijskih obrazovatel'nyh reform. [Development of general education system in Mordovia in the context of Rus-

- sian reforms in education]. Integracija obrazovanija [Integration of Education]. 2004. № 3 (36). P. 88-97. (in Russ.).
13. Garipova F. H. Opyt jazykovogo stroitel'stva v Respublike Bashkortostan. [Experience of language construction in the Republic of Bashkortostan]. Thesis for a Doctor's of Philology degree: 10.02.19. Ufa, 2005. 215 pp. (in Russ.).
 14. Ibid. P. 121.
 15. Shamsutdinov D. Z., Shajdulin R. V. Osobennosti razvitija tatarskoj nacional'noj shkoly v TASSR v 50-60-e gody 20 veka. [Peculiarities of development of Tatar national school in Tatar Autonomous Soviet Socialist Republic in 50-60-ies of the 20th century]. Uchenye zapiski Kazanskogo universiteta. Ser. Gumanitarnye nauki. [Proceedings of Kazan University. Ser. Humanities]. Issue 3. Vol. 154. 2012. P. 98-104. (in Russ.).
 16. Ibid. P. 101.
 17. Klement'ev E. I. Pribalto-finskie narody Karelii v zerkale perepisi 1959 g. [Balt-Finnish people of Karelia in view of census of population of 1959]. Jazykovye processy v Karelii na primere karelov, vepsov i finnov. [Language processes in Karelia as in the case of the Karelians, Vepses and Finns]. Collection of scientific papers. ed. by E.I. Klement'ev; Karelian scientific centre of the Russian Academy of Sciences, Institute of Language, Literature and History. Petrozavodsk: Karelian scientific centre of the Russian Academy of Sciences, Institute of Language, Literature and History, 2013. P. 9-16. (in Russ.).
 18. Pokrovskaja I. P. Naselenie Karelii. [Population of Karelia]. Petrozavodsk: Karelia, 1978. 192 pp. (in Russ.).
 19. Kozhanov A. A. Izmenenija v etnicheskom sostave sel'skogo naselenija Karel'skoj ASSR v poslevoennyj period (1949-1958 gg.). [Changes in the ethnic composition of rural population of the Karelian Autonomous Soviet Socialist Republic in the post-war period (1949-1958)]. Etnokul'turnye processy v Karelii. [Ethnocultural processes in Karelia]. Petrozavodsk, 1986. P. 5-20. (in Russ.).
 20. Morgunov K. A. Razvitie sistemy shkol'nogo obrazovanija v Orenburgskoj oblasti v 1945-1991 gody. [Development of the school education system in the Orenburg region in 1945-1991]. Etnopanorama [Ethnopanorama]. 2010. no. 1-2. P. 56-96. (in Russ.).
 21. Ibid. P. 57.
 22. Lenin V.I. Kriticheskie zametki po nacional'nomu voprosu. O prave nacij na samoopredelenie. O nacional'noj gordosti velikorossov. K voprosu o nacional'nostjah i ob «avtonomizacij». [Critical remarks on the national question. On the right of nations to self-determination. On the national pride of the Great Russians. On the question of the nationalities and of "autonomizations".]. M.: Politizdat, 1990. 110 pp. (in Russ.).
 23. Cheshko S. V. Raspad SSSR: etnopoliticheskij analiz. [Collapse of the USSR: ethno-political analysis]. 2nd ed. M.: IEA RAN, 2000. 395 pp. (in Russ.).
 24. Social'no-kul'turnyj oblik sovetskih nacij (po materialam etnosociologicheskogo issledovanija). [Social-cultural portrait of soviet nations (based on ethnosociological research)]. ed. by J. V. Arutjunjan, J.V. Bromlei. M.: Nauka, 1986. 456 pp. (in Russ.).
 25. Ibid. P. 307-308.
 26. Guboglo M. N. Sovremennye jetnojazykovye processy v SSSR: osnovnye faktory i tendencii razvitija nacional'no-russkogo dvujazychija. [Current ethnolinguistic processes in the USSR: main factors and tendencies of the development of national Russian bilingualism]. M.: Nauka, 1984. 288 pp. (in Russ.).
 27. Kozlov V. I. O sushhnosti russkogo voprosa i ego osnovnyh aspektah. [On the subject matter of the Russian issue and its main aspects]. Vestnik Moskovskogo Gosudarstvennogo Universiteta. [Proceedings of Moscow State University]. Ser. 8, History. 1993. № 5. P. 33-44. (in Russ.)

Информация об авторе:

Тебенко Вячеслав Александрович, соискатель, кафедра отечественной истории, Петрозаводский государственный университет, ООО «Сталь Сервис», г. Петрозаводск, Россия
stal12h18n@mail.ru

Information about the author:

Vyacheslav A. Tebenko, Competitor, Department of Russian History, Petrozavodsk State University, Stal Service LTD, Petrozavodsk, Russia
stal12h18n@mail.ru

Получена: 24.03.2017

Received: 24.03.2017

Для цитирования: Тебенко В.А., Национально-языковые изменения в карельских школах в послевоенное десятилетие. Историческая и социально-образовательная мысль. 2017. Том. 9. № 3. Часть 1. с. 67-78.
doi: 10.17748/2075-9908-2017-9-3/1-67-78.

For citation: Tebenko V.A., National-linguistic changes in the Karelian school in the postwar decade. Historical and Social Educational Idea. 2017. Vol . 9. no.3. Part. 1. Pp. 67-78.
doi: 10.17748/2075-9908-2017-9-3/1-67-78. (in Russian)